

ТРЕЙСИ ВУЛЬФФ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ *NEW YORK TIMES*

ИСПЫТАЙ МЕНЯ страстью

ЛЮБОВНЫЕ РОМАНЫ • КНИГИ О ЛЮБВИ

2

Если запутанные отношения со своим новым начальником не являются чем-то правильным, то Ария не хочет быть правильной. Сильные мужчины, как правило, обладают нестандартным мышлением; они могут делать все, что захотят, ничего не давая взамен, но Себастьян — другой. Он нежен с ее телом. И груб во всех нужных местах. Он достаточно горяч, чтобы заставить Арию отказаться от каждого своего правила. Но чтобы излечить раны прошлого, понадобится нечто большее, чем умопомрачительный секс... независимо от того, насколько серьезными выглядят его намерения. Всю свою жизнь она боролась за контроль над своей собственной жизнью, и теперь никто не сможет лишить ее этого. Но чем больше времени она проводит в мире Себастьяна, тем глубже погружается в его чувственную игру.

«Испытай меня» — это эротическая серия, предназначенная для взрослой аудитории. История Арии и Себастьяна продолжается в книге — «Испытай меня страстью».

Трейси Вульф

«Испытай меня страстью»

«Испытай меня» — 2

Оригинальное Название: *Play me hot by Tracy Wolff*

Трейси Вульф — «Испытай меня страстью»

Серия: " *Play me* " — «Испытай меня» — 2

Автор перевода: *Юля Монкевич*

Редактор: *Алёна Дьяченко*

Вычитка: *Настя Зайцева*

Оформление: *Ирина Белинская*

Обложка: *Ирина Белинская*

Себастьян

Ария дрожит. То ли от страха, то ли от желания, не знаю, но мне нужно получить ответ на вопрос, прежде чем я пойду дальше. А мы пойдём дальше — в этом никаких сомнений. Вопрос только когда. Сейчас, если она готова. Позже, если ей нужно время, чтобы привыкнуть к тому, что мне от неё нужно, до того, как я захочу её взять.

Я хочу подарить ей весь мир, а не заставить бояться его.

Она тихо вздыхает, опьянено, что я едва не пропускаю этот звук, когда вжимаюсь в неё своим телом и обвиваю руками талию, пока затылок Арии покоится у меня на плече. Я прижимаюсь поцелуем к её губам, и она отвечает тем, что прижимается ближе. Мне удаётся повернуться так, что девушка утыкается лицом в мою шею. Мы прекрасно дополняем друг друга, благодаря туфлям с четырёх дюймовым каблуком, которые она обувает на работу, и опирается спиной на мою грудь. Её сладкая попка прижимается к моему твёрдому, как камень, члену.

— Ты не ответила мне, — говорю я ей, левой рукой поглаживая бедро, пока моя правая рука скользит вокруг её туловища, обхватывая левую грудь. Я притягиваю девушку ещё ближе.

— Я... — её голос срывается, и она прочищает горло, прежде чем начать говорить снова. — Я не знаю, что сказать.

Конечно, она не знает. Ария может заполучить любого богатого ублюдка, даже не прилагая усилий, не говоря уже об избавлении от самых дерзких и нежелательных предложений. Но один взгляд реального желания, реальной потребности, и она потеряна. Это ещё одна причина того, почему я хочу быть тем, кто пройдёт с ней этот путь. Кто откроет глаза на множество возможностей и удовольствий, о существовании которых она даже не догадывается.

Поглаживая болезненно ноющий сосок, я прислушиваюсь к тому, как меняется её дыхание. Всё её тело напрягается напротив моего от наслаждения.

— Скажи: "да", — уговариваю я, пока вожу своим пальцем взад и вперёд по тутому бутону, нажимая чуть сильнее с каждым новым движением.

— Себастьян, — её голос прерывается на середине, но она выгибает спину, ещё сильнее прижимаясь грудью к моей ладони. Я сжимаю и даю ей то прикосновение, которое она так очевидно просит.

— Скажи, что ты хочешь, чтобы я взял весь контроль на себя, — я перемещаю руку чуть ниже по бедру, обхватывая его вокруг верхней части ноги так, что могу поглаживать мягкую, чувствительную кожу своими пальцами. — Скажи, что ты хочешь узнать, что значит иметь полный контроль над собой, своим телом. Своим удовольствием. Своим партнёром, — не может быть никаких недомолвок. Не с тем, что я хочу с ней сделать.

Часть меня считает, что я должен отступить, позволить ей подумать, но для этого уже слишком поздно. Слишком поздно для меня, чтобы просто отступить и отпустить её. Не тогда, когда каждый её судорожный вздох делает мой член ещё твёрже, а моё внимание более пристальным.

Я сжимаю её сосок снова, перекатывая его между большим и указательным пальцами.

Не достаточно сильно, чтобы причинить боль. Но достаточно сильно, чтобы заставить её захныкать и задрожать. Напомнить ей о том, что произойдёт, если она скажет "да".

— Я хочу... — её голос снова срывается. В этот раз я не помогаю ей. На этот раз я подталкиваю девушку немного дальше, скользя пальцами вдоль шва на трусиках, прямо в развилке её бёдер. Потираю кружево назад и вперёд. Туда и обратно. Туда и обратно. Пока она извивается напротив меня, а дыхание из неё выходит рваными урывками.

— *Себастьян*, — её голос звучит низко, хрипло, почти неузнаваемо, и всё моё тело напрягается, когда этот звук оседает в нём напряжением. Она ещё не знает, что её голос может подчинять.

— Да, Ария? — я проскальзываю сначала одним пальцем внутрь её трусиков, а затем вторым. Она мокрая, горячая и дрожащая, и мне всего лишь нужно увлечь её за собой, снова и снова, и снова. Но девушка ещё не совсем готова для всех тех вещей, которые я планирую с ней сделать.

И я жду, медленно, нежно поглаживаю пальцами лепестки её губок. Она ахает, а потом заводит руки за голову и обвивает их вокруг моей шеи. Чтобы прижаться ко мне ещё ближе.

Мне нравится ощущать на себе её руки, почти так же, как *самому* прикасаться к ней. Скольжу пальцем под тканью кружевных трусиков, но теперь уже в качестве награды. Я продолжаю играть с клитором, даже когда нажимаю одним пальцем между её губ и щёлкаю, щёлкаю, щёлкаю.

Она дрожит, её тело отстраняется от моего. А потом она прижимается обратно и зарывается лицом в изгиб моей шеи, вылизывая её вдоль края воротничка рубашки.

Это ощущается так хорошо; её дыхание на моей коже кажется тёплым и влажным. Тело Арии, такое мягкое и податливое по сравнению с твёрдой плотью моего собственного. Понимая, что она нуждается в контакте, и в небольшом количестве контроля прямо сейчас, я запрокидываю голову, и позволяю ей действовать ещё жёстче.

И она действует. Иисус Христос, она действует.

Её губы скользят вдоль моей челюсти, от подбородка до чувствительного местечка за ухом. Она останавливается там, мягко засасывая кожу. А затем кусает, один резкий, чистый укус зубами.

*Бл*ть.*

Ария тут же проходится языком, успокаивая слабую боль, от небольшой отметины, которая, я знаю, там осталась. Она отметила меня так сильно, чтобы остался след.

Как только я собираюсь оставить на ней свою метку, она начинает говорить...

— Да, — впервые с тех пор, как мы начали, её голос звучит сильно, спокойно, уверенно.

Моя очередь дрожать, что никогда не происходило со мной раньше. Я чувствую облегчение и медленно убираю руки с её тела, пока она не замечает. Брешь в моём контроле — это не то, в чём сейчас нуждается один из нас.

Кроме...

— Себастьян? — её голос тих, а телом она слегка прижимается ко мне.

Я останавливаю её руку на своём бедре, удерживая девушку лицом к окну. Брошенный взгляд на настенные часы говорит мне, что у нас есть двадцать минут, прежде чем она должна будет вернуться в казино. И хотя всё внутри меня восстает от мысли, что придётся позволить ей вернуться вниз, ведь теперь она моя; стоять и смотреть, как мужчины хватают и щупают её сладкое тело, что даже сейчас, выводит меня из себя — это не мой выбор. Не сейчас.

Не сейчас.

Я хочу сделать для неё так много, хочу собрать её как пазл, фрагменты которого находятся у меня в руках. Пока не смогу увидеть картинку в целом, со всеми трещинами, которые, признаю, я не понимаю.

Двадцать минут — этого времени недостаточно. Но это только начало.

— Положи руки на окно.

— Что? Я не...

— Твои руки. Окно, — говорю ей снова, убеждаясь, что мой голос звучит тёмным и суровым, несмотря на непреодолимое желание обнять её и прижать поближе к себе.

В течение долгих секунд она не двигается, как будто раздумывает, должна ли делать то, что я приказываю. Терпеливо жду, пусть решает сама. Другой Дом (*прим. пер.: Дом — имеется в виду Доминант*), другой мужчина, захотел бы что-нибудь сделать, чтобы убедить её... может быть, даже наказать за нерешительность. Создать прецедент. Начало, как они планируют двигаться дальше.

Но я не из тех парней, и мои цели разительно отличаются от их. Я не хочу рабыню, не хочу, чтобы она выполняла все мои прихоти, как в спальне, так и вне её пределов.

Нет, то, что я хочу от Арии — нечто совершенно иное. В конце концов, я хочу возродить её, а не сломать. Я хочу дать ей контроль, а не отнять его.

Я хочу её борьбу, а не подчинение.

И поэтому жду, чтобы увидеть, как она отреагирует. Чтобы посмотреть, что сделает. У меня уже есть на неё планы, так много планов. Планы, которые включают в себя подвести её на грань катастрофического удовольствия, а потом перебросить за черту. Снова и снова, и снова.

Но не раньше, чем она будет готова. Не раньше, чем она предпримет этот первый, маленький, но такой необходимый шаг.

Ария смотрит на меня, её голова повернута в сторону, в отличие от тела, которое прижато к моему, а взгляд кажется тёмным и опасным — изумительно. Девушка берёт с меня пример, размышляя, как далеко она хочет зайти. Как далеко готова позволить мне толкнуть её... как далеко готова толкнуть меня. Жаль, что Ария пока не может представить себе ту глубину, которую мы собираемся исследовать.

Секунды тянутся медленно, пока ни один из нас не двигается. Мы просто стоим с закрытыми глазами. Наши дыхания синхронны. Я думаю о том, чтобы повторить команду, но — нет. Она услышала меня. Повторить её — будет признаком слабости, потерей контроля, который я просто ей не отдам. Не могу отдать.

Но в глазах девушки есть неуверенность, страх, который мне не нравится видеть. Держать Арию в неведении, расширяя границы, её пределы, намного дальше того, где они должны быть по её мнению — это одно. Но настоящий страх? Это не то, для чего мы здесь.

Я тянусь назад и мягко поглаживаю ее позвоночник тыльной стороной ладони. Должно быть, прикосновение — это именно то, что ей нужно, потому что Ария содрогается и выгибается назад. А потом выполняет то, что я сказал ей, поворачивается лицом к окну и делает шаг вперед, прежде чем приложить ладони к окну, расположенному перед ней.

Даже не думал, что её мышцы были так напряжены; они расслабляются, и я подхожу вперед, чтобы наши тела вновь были прижаты вплотную друг к другу. Она сделала шаг, который нужно, теперь я могу помочь ей.

Я поднимаю руки Арии вверх так, что они оказываются у неё над головой. И

проталкиваю колени между её ног, терпеливо ожидая, когда она расслабится и откроется для меня.

Она это делает, конечно, делает, и я просовываю руки между её бёдер, раздвигая их на ширину плеч.

Ария издаёт маленький, глубокий, гортанный стон, от которого мне хочется задрать ей юбку, спустить трусики и вонзиться в неё. Она близко, я это чувствую. У нас двоих уйдёт немного времени на то, чтобы кончить.

Но здесь, сейчас, когда её тело дрожит, а дыхание прерывистое и она возбуждена, так возбуждена; и продолжает доверять мне... сейчас самое время, вознаградить её. Чтобы хоть немного доказать, что доверие девушки будет оправдано.

— Прямо сейчас ты выглядишь великолепно, — говорю я Арии, наклоняясь вперёд и горячо выдыхая ей в ухо. Она дрожит, но не отклоняет голову, не шарахается. Хорошая девочка. — Я хочу тебя всегда такой, как сейчас, — сдвигаю её трусики вниз по ногам, конечно, они из чёрного кружева, ожидая, когда девушка через них переступит. — Открытая мне. Готовая для меня, — я убираю руку обратно к развилке её бёдер. — Мокрая для меня.

— Себастьян...

— Да, — бормочу я, между тем, как мягко целую её в висок, щеку, в макушку. — Я хочу, чтобы моё имя слетало с твоих губ. Почти так же сильно, как хочу почувствовать твой вкус на своих губах.

Я падаю на колени, затем, засовываю руки под юбку и хватаю её за бёдра, притягивая их назад так, что она наклоняется вперёд под углом, а спина девушки изгибается, поднимая попку кверху, выставляя свою киску на показ.

Розовая, влажная и красивая. Такая прекрасная.

Тут так много того, что я хочу с ней сделать, хочу сделать *для* неё. Я жажду дотронуться, вдохнуть, попробовать на вкус так сильно, что на мгновение меня парализует. Мой разум — это красный туман из возбуждения и желания.

Но сейчас не об этом. Не здесь. Не сейчас.

Поэтому я заталкиваю свою потребность куда подальше, подчиняю её и забываю о ней, пока не остаётся только эта девушка. Лишь Ария с её рваным дыханием и дрожащими бёдрами. Её закрытыми глазами и открытой киской.

Я тянусь вперёд, проскальзывая пальцами вдоль её щелочки.

Она кричит — это мрачный и разрозненный звук. Но не двигается, не опускает руки и не сдвигает свои бёдра. Не делает ничего, просто стоит там, замерев в положении, в котором я её оставил, и ждёт, что я буду делать дальше.

Сила её выдержки разрушает моё желание растянуть удовольствие. Наклоняясь вперёд, я облизываю её киску одним долгим, медленным движением, прежде чем мощно и глубоко проталкиваюсь в неё языком.

И вот тогда из Арии вырывается дикий, отчаянный крик, который спускается вниз по спине и оседает глубоко внутри меня. Я хватаюсь за её бедра, удерживая девушку на месте, зарываясь лицом глубже между её ног. Она уже так близко, что это не займёт много времени. Лишь погладить, несколько раз медленно лизнуть, вырисовывая чёткие круги языком вокруг её клитора, и она ломается, разбиваясь в клочья.

Разбиваясь на части. Из-за меня.

Я использую её оргазм, продлевая его настолько, насколько это возможно. Только когда она полностью опустошена, её тело расслабляется, и Ария молчаливо прислоняется к окну, а

я отстраняюсь от тела девушки.

Она сразу начинает скулить от потери контакта, начиная беспокойно двигаться, пока ищет тепло. Для подтверждения.

— Себастьян. Пожалуйста.

Я замираю, не от слов, а от её тона, которым она их произносит. Голос Арии льётся словно тягучий мед, который манит меня и в какой-то мере я потрясён тем, как легко она погружается в пучину страсти.

За грань.

Её слова танцуют на грани моего сознания. Бл*ть. Я не собиралась брать её здесь. Не сейчас, когда мы ограничены во времени. Но слишком поздно. Я могу сказать это по мягкому, мяукающему звуку, который она издаёт. По тому, как она не может обойтись без моих прикосновений.

Воздерживаясь от того, чтобы проклясть свою невнимательность, я поглаживаю рукой мягкий изгиб её задницы, прежде чем поднимаюсь на ноги. Оставляя Арию там, где она находится, я спокойно подхожу к столу, набираю двухзначный номера на телефоне внутренней связи. Когда Линда отвечает, я рявкаю:

— Позвони Дэвиду внизу. Скажи ему, что Ария заполняет некоторые документы, касающиеся произошедшего два дня назад. Она спустится вниз, когда закончит.

Когда я оборачиваюсь, она смотрит на меня своими волшебными, тёмными глазами, немного затуманенным и расфокусированным взглядом. Я могу сказать, что Ария пытается очнуться, пытается начать думать. К чёрту всё это.

Я заставляю себя произнести холодно, хоть и далек от этого чувства, когда спрашиваю:

— Разве я сказал тебе, что ты можешь повернуться?

Ария

Я цепенею от слов Себастьяна.

От его тона.

От взгляда его глаз.

Его *глаза*.

Когда мне было пятнадцать, я купила в новогодней лавке малахитовый камушек на удачу, который до сих пор храню в своей тумбочке. Я держала этот камень в руке миллионы раз, и, волнуясь, сжимала между указательным и большим пальцами так часто, что фактически сделала его гладким с одной стороны. Однако, за все эти годы, каждый раз, когда я брала его, изучала и загадывала желание, то так и не увидела ещё где-то подобного таинственного цвета.

До сих пор. Глаза Себастьяна имеют точно такой же цвет, как этот камень — необычные, серовато-зелёные, с кольцами оттенка тёмного леса вокруг зрачка и внешнего края радужки. Они захватывающие, завораживающие. Чертовски возбуждающие. И посмотреть в них, прямо сейчас, в два раза тяжелее, чем на любой малахит.

Это удивительное открытие резко выдёргивает меня из странного ощущения головокружения, в котором я прибываю. Моё тело мучительно колотит крупной дрожью, и это отбирает каждую унцию моих сил, с которой я должна сопротивляться ему. Чтобы отрицать то притяжение, ту силу, которая я знаю, является чем-то большим, чем просто секс. Большим, чем оргазм.

Я не знаю, как ко всему относиться, но знаю, что если выберу этот путь, то, чёрт возьми, вернусь к тому, от чего бегу. Потому что, если честно, я не уверена, что думаю по этому поводу.

Я имею в виду, что прожив почти всю жизнь в Лас-Вегасе, мне не привыкать к заскокам. БДСМ, игры с дыханием, вуайеризм, безлимитные игры. Я слышала о них всё. Но я знала, что они будут находиться далеко от меня. И пока я, чёрт возьми, просто наслаждалась тем, что Себастьян сделал со мной... я не думаю, что когда-либо в жизни так быстро достигала разрядки... не означает, что я готова пойти дальше.

Не говоря о том, что меня заводит то, как он смотрит на меня. Делая меня влажной снова и снова, пока мои колени продолжают дрожать от оргазма, который Себастьян подарил мне просто так.

Я не понимаю, что должна чувствовать по этому поводу. Обычно, меня не так просто... затащить в постель, бессмысленно трахнуть и с легкостью заставить дрожать после этого.

Хуже всего, Себастьян знает, как я всё ещё неуверенна. Я могу сказать это по тому, как он ведёт себя: тело напряжено, зубы стиснуты, руки сжаты в кулаки с обеих сторон. И он всё ещё на расстоянии половины комнаты, смотрит на меня, вместо того чтобы подойти ко мне и трахнуть. Или что там он планирует со мной сделать.

Это не значит, что он не хочет меня. Я не тщеславна, но и не наивна, мне известно, когда парень хочет сделать со мной целый ряд неприличных вещей. Нет, Себастьян Кейн определенно хочет меня. Но он также уверен, что я слабая. Хрупкая. От осознания этого у меня трясутся коленки и сводит спину, хотя пару минут назад я клялась, что больше не буду

об этом переживать. Но жалость сводит меня с ума как ничто другое.

Я всё ещё стою лицом к окну, будто это самая умная вещь, которую можно сделать, но это трусость. И я — трусиха, никто. Да, девочка — никто. Не больше.

Именно поэтому я совершенно сознательно наклоняю подбородок и прищуриваюсь, перед тем как взглянуть на него. И очень, *очень* обдуманно поворачиваюсь, прижимаясь спиной к оконному стеклу, чтобы столкнуться с ним лоб в лоб.

Я не уверена, как он отреагирует, но думаю, что Себастьян заметит моё явное неповиновение. Единственное, чего я не ожидаю, так это приподнятой брови. И мрачно-злой усмешки. Чувственная напряжённость, которая и так становится ещё более плотной между нами, витает в воздухе, которым мы дышим.

А потом он крадётся ко мне. Я чувствую себя нелепо от подобранного слова, ведь Кейн — человек, а не ягуар, но пока у меня нет других вариантов, которые я могу использовать, чтобы объяснить, как Себастьян выглядит, когда пересекает комнату. Его гладкие, мощные мускулы движутся со скрытой силой, что как-то умудряется выглядеть одновременно красиво и хищно.

Я чувствую, как пульс снова подскакивает, дыхание становится ещё более сумбурным, и на секунду, всего на секунду, я хочу сказать: чёрт с ним, и сбежать. К чёрту разговоры о смелости, к чёрту нижнее бельё, которое прямо сейчас скомкано и брошено на пол, к чёрту его и себя, и вместо этого всего просто взять и добежать до двери офиса.

Я не сделаю этого. Я не могу.

Потому что в действительности, слишком поздно. Мне слишком поздно бежать, слишком поздно пытаться скрыться. Я, может, и немного знаю об этом образе жизни, об этих заскоках, но этого достаточно. Моё тело уже полностью находится в его власти, каждая капля крови нуждается в нём. Моя кожа горит от его прикосновений. И моё естество, моя киска болит от ощущения пустоты и от желания быть наполненной им.

Нет, бежать не вариант, по многим, многим причинам.

И вот, идея о свободе отброшена, потому что он прямо здесь, передо мной, а его большое тело практически вибрирует от злости. Или желания. Я ещё не знаю его достаточно хорошо, чтобы заметить разницу.

— Так вот, как это будет, не так ли? — мягко спрашивает он.

— Я не очень хороша в выполнении приказов, — говорю я ему, изо всех сил стараясь игнорировать тот факт, что у меня во рту вдруг стало сухо, как в пустыне.

— Не припомню, что отдавал приказы, — он поднимает руку к моему лицу, и я инстинктивно дергаюсь в сторону. Он замирает на середине, смотря более настороженно, внимательно.

Проклятье. Всё так легко, что я злюсь на саму себя. Я оставила всё это позади давным-давно, и не хочу туда возвращаться. Ни сейчас, ни когда-либо ещё. Независимо от того, сколько удовольствия может доставить мне Себастьян. Впервые с самого начала, мне всерьёз хочется уйти и никогда не возвращаться.

— Я так же не очень хорошо отношусь к наказаниям, — говорю я ему, вынуждая себя выглядеть более дерзкой и беззаботной, когда всё, что мне действительно хочется сделать, это свернуться в клубок и зализать раны, о существовании которых, я даже не подозревала.

В течение долгих секунд Себастьян наблюдает за мной, его взгляд практически гипнотизирует, когда бродит по моему лицу, моему телу. Как мне кажется, выискивая подсказки, объясняющие моё странное поведение. Но их нет на моём теле, на мне больше

нет следов мужчины, и никогда не будет снова. Нет, разгадка, которую он ищет похоронена так глубоко внутри меня, что никто никогда не получит шанса увидеть её снова.

Мне всё ещё стыдно, что я потеряла контроль и просто не смогла этого скрыть. Я жду сочувствия, или ещё хуже, намного хуже — восторга, но Себастьян не проявляет его. Вместо этого, он смотрит на меня с уверенностью, которая противоречит моему волнению.

— Тогда хорошо, что я не собираюсь наказывать тебя, не так ли?

Он снова протягивает руку, теперь уже медленнее, и на этот раз я не отстраняюсь. Отчасти потому, что знаю, что он не собирается меня бить. И отчасти потому, что хочу посмотреть, что он собирается сделать.

Он обхватывает мою щеку своей большой мозолистой рукой, поглаживая большим пальцем по линии челюсти. По моим губам. На секунду, всего на секунду я задумываюсь, почему такой бизнесмен, возится с "синим воротничком" (*прим. пер.: синий воротничок — это представитель рабочего класса, чаще всего который использует физическую силу для выполнения работ, с почасовой оплатой труда*), но даже эта мысль исчезает в странной апатии, которая начинает меня охватывать.

Я не знаю, что это, не понимаю, почему у моего зрения расплывается фокус и размываются края. Не понимаю, почему так сильно жажду, как ничто другое — прикосновения Себастьяна. Его рот. Ощущение его тела прижатого к моему.

И вот, он прижимает большой палец к моему подбородку, заставляя его опуститься вниз и открыть для него рот. Только для него.

— Контроль — не означает наказание, Ария, — говорит он так тихо, что я не уверена, что не ослышалась. — Это не соревнование, чтобы выяснить у кого больше член.

Подушечка большого пальца проскальзывает мне в рот, прежде чем я успеваю ответить, нежно поглаживая кончик языка. Я думаю о том, чтобы укусить, или, по крайней мере, отвернуться.

Ничего я не делаю.

— Особенно в этом случае, — продолжает он. — Потому что мне кажется, довольно очевидным то, что только один из нас может принять участие в подобных соревнованиях.

Он проталкивается глубже мне в рот, массируя его так, что теперь поглаживает заднюю стенку горла подушечкой большого пальца. Медленно, аккуратно, тщательно.

Как ни странно, он чувствует себя хорошо, шокирующе хорошо, что я не могу удержаться от ответной реакции. Я закрываю глаза, откидывая голову к окну, и прижимаюсь к нему спиной, а затем всасываю большой палец Себастьяна ещё глубже, когда обвожу его по кругу языком, поглаживая сверху, снизу и с боков, как если бы у меня во рту был член Кейна.

Он останавливается, его палец — влажный и горячий, когда размазывает по моим губам помаду, туда и обратно. Обычно я волнуюсь, ведь красная помада — настоящая сука, когда её приходится стирать с такой кожи, как у меня, а мне нужно будет вернуться к работе, когда закончится перерыв, но прямо сейчас я не могу заставить себя думать об этом. Не тогда, когда его большой палец... такой влажный палец окрашен яркой помадой, которую он размазывает по моему подбородку вниз, к шее и ложбинке у горла.

Он задерживает его там на минуту, пока пальцы сжимаются в кулак, и большой палец трётся о мою ключицу. А после он разжимает ладони, расставляя пальцы до тех пор, пока реально не обхватывает меня за шею.

Я широко открываю глаза, когда из моего горла вырывается стон. Себастьян не душит

меня и не тянет, будто даже и не думал этого делать. Вместо этого он начинает гладить, массировать и ласкать, и я никогда не чувствовала себя так же хорошо, что реально меня пугает.

Зрение становится ещё более размытым, слабость усиливается так, что я начинаю чувствовать себя легко, бестелесно. Как тряпичная кукла, которая просто собирается посмотреть на то, что Себастьян сделает дальше.

Какая-то часть моего мозга — на данный момент совсем ничтожная его часть, но всё же — продолжает предупреждать меня, что это плохая идея. Что я должна извернуться и убраться отсюда так быстро, как это только возможно. Но эти мысли похоронены под наслаждением, под необходимостью, которую он пробуждает во мне одним лишь взглядом, лишь одним прикосновением. Похоронены под любопытством и этой странной, сладкой истомой, что я понятия не имею, как с этим бороться.

Я не уверена, чего мне ждать дальше. Может быть, Себастьян расстегнёт мою блузку. Возможно, на этот раз он потребует, чтобы я упала перед *ним* на колени — шанс, которого я так ждала. Или, может быть, я жду, что он расстегнёт молнию на брюках, задерёт мою юбку и войдёт в меня, поскольку мне кажется, что именно это он и хотел сделать, когда сказал, чтобы я положила руки на окно.

Однако Кейн ничего из этого не делает. Он поднимает другую руку к моей щеке и просто стоит так несколько секунд, обхватывая мое лицо и удерживая за шею, пока наблюдает за мной.

Смотрит и ждёт, ждёт и наблюдает.

Я не понимаю, почему он откладывает то, что я вполне уверена — неизбежно, но у меня в запасе достаточно самообладания, чтобы не спрашивать об этом. Однако, с каждой секундой, что я стою тут, удивленно ожидая, на меня всё больше и больше накатывает усталость. Она теплая и сладкая как мёд, и мне нравится ощущение того, как она пробегает по моим венам. Медленно растекаясь вниз. Захватывая меня полностью.

Мои конечности тяжелеют, а медленное и размеренное биение сердца, теперь быстрое и нитевидное. Глаза... так трудно держать их открытыми. Так трудно сохранять бдительность, когда всё, что я хочу — это прижаться к Себастьяну и позволить ему сделать с собой всё, что он захочет.

Я сопротивляюсь его обаянию несколько минут, но в итоге проигрываю. Мои веки подрагивают, и я закрываю глаза от слабости в коленях. Внезапно, единственное, что удерживает меня в вертикальном положении — прикосновения Себастьяна. Одна его ладонь на моём лице, другая на шее; он дёргается вперёд, прижимая меня бёдрами к окну, чтобы не позволить мне упасть... или задохнуться от его хватки на моём горле.

Хотя бёдрами он выполняет большую часть работы, чтобы удержать меня на месте, рукой Себастьян сжимает моё горло достаточно крепко, чтобы причинить мне боль. Не сильно, даже незначительно, на самом деле. Но достаточно, сжимая то тут, то там, чтобы дать мне знать, сколько контроля он имеет над моим телом в этот момент.

Вместо того чтобы испугаться, я становлюсь ещё более мокрой.

— Себастьян, — шепчу я его имя, будто делала это уже в сотый раз.

— Да, Ария?

Я чувствую его теплое дыхание на своей щеке, и, хотя мои глаза закрыты, я знаю, что он близко. Очень близко. Я поворачиваю голову, пытаюсь прижаться туда, где должны быть его губы своими губами, но всё, что я нахожу — это воздух. Он отстраняется так же быстро, как

и приблизился.

— Мне нужно... — мой голос ломается.

— Что тебе нужно, любимая? — сейчас его голос звучит ниже и даже глубже, чем обычно. Дыхание ласкает мою другую щеку, по линии челюсти.

Я снова поворачиваю голову, на этот раз быстрее и опять пытаюсь прижаться своими губами к его. Но он отстраняется, и на этот раз перемещается назад так, что бёдра Себастьяна больше не прижимаются к моим. Так что единственная оставшаяся точка соприкосновения наших тел — его рука на моем горле.

Он немного усиливает давление на мою шею, и когда я поворачиваю голову так, чтобы встать ровно, то ощущаю, что его хватка стала крепче, чем раньше. Недостаточно, чтобы лишиться меня воздуха, но определенно достаточно, чтобы сообщить мне, что он не шутит. По крайней мере, не так, как я сначала подумала о нём.

Мне вдруг приходит в голову, что если кто-то вошёл бы прямо сейчас, то не понял бы, пытается ли Себастьян убить меня или трахнуть.

Учитывая моё происхождение, откуда я родом и что сделала, чтобы выжить, подобная мысль не должна быть такой возбуждающей. Возможно, это потому, что я знаю различия. Я знаю, насколько внимателен Себастьян ко мне в действительности.

— Что тебе нужно, Ария? — повторяет Себастьян, пальцем поглаживая чувствительную кожу прямо за ухом. — Я не стану переспрашивать.

— Мне нужно... — нервы снова меня подводят. Мой голос опять ломается.

— Нет ничего постыдного в том, чтобы сказать, что тебе нужно, — говорит мне он, и на этот раз, я чувствую его дыхание на своих губах. Его рот тут, всего в сантиметре от моего. Если я всего лишь на мгновение наклонюсь вперед, то мы поцелуемся. Я хочу, я так сильно, так отчаянно хочу почувствовать его губы, язык и зубы на себе, что это всё о чём я могу думать. Но если я рискну, если попытаюсь поцеловать его в третий раз...

Три нарушения и ты выбываешь.

На ум приходит старая баскетбольная поговорка, и вдруг я понимаю, что Себастьян имел в виду, когда сказал, что не переспрашивает.

Эта мысль пугает.

В любое другое время я бы почувствовала себя нелепо и мелодраматично, хоть на секунду обдумывая подобное, но прямо здесь, прямо сейчас, идея Себастьяна уйти и оставить меня в таком виде — мокрой и едва не утопающей в желании получить то, что он готов мне дать — это как угодно, но не смешно.

И именно по этому, я заставляю себя не двигаться, не шевелиться, не дышать.

Проходят секунды — длинные, мучительные секунды, когда каждый удар сердца — это агония, и тогда он вознаграждает меня — начиная скользить своими губами по моим.

Этого не достаточно, не достаточно, чтобы погасить огонь, бушующий внутри меня, и я впитываю всё, как выжженная пустыня дождь.

Очередная пауза с его стороны. Снова ждет действий от меня.

Еще один поцелуй, этот немного дольше и более влажный, чем предыдущий.

И всё же, это даже близко не то, что мне нужно.

— Мне нужен твой рот, — я произношу слова, которые клокотали внутри меня, едва ли не часами, днями, тысячелетиями.

Он бубнит что-то похожее на: "Спасибо, Господи". А потом целует меня, его рот влажно и жадно порхает по моим губам.

Он ощущается так хорошо, имея такой приятный вкус... как пиво, которое он выпил за ужином, смешиваясь со сладким и диким ветром пустыни, которому нравится пролетать через весь город, хотя бы чтобы бросить вызов.

— Себастьян, — его имя — это молитва, просьба, крик отчаяния и желания, когда я руками скольжу вверх по его мускулистой спине и зарываюсь в дикие, шелковистые волосы.

— Ария, — отвечает он, и моё имя — это сладость на его губах. На его языке, когда он проходит вдоль линии моих губ, исследуя уголки рта. — Мне нравится, какая ты на вкус.

Я начинаю отвечать ему, хочу сказать, что чувствую то же самое, но он всасывает мою нижнюю губу, мягко прикусывает, зажимая между зубами, и все мои мысли рассыпаются как фишки в покере после выигршной комбинации.

Через меня проходит жар, и я задыхаюсь, сжимая руки в кулаки. Дёргаю пальцами его за волосы, резко потягивая. Из горла Себастьяна вырывается низкий стон, а затем свободной рукой, он скользит по моему берду и хватает меня за зад. Не достаточно сильно, чтобы причинить боль, но достаточно, чтобы напомнить мне, что он единственный, кто всё контролирует.

Напоминание ещё сильнее заводит меня, и я не могу остановить себя от резких движений вдоль его тела. Мне нужно больше, чем он предлагает. Намного больше, чем я когда-либо себе представляла.

Но Себастьян не обращает на это внимания. Он резко кусает меня за губу в наказание, а потом притягивает к себе. Даже нежные поглаживания его языка, которые следуют за чередой укусов, которые направлены, чтобы убрать большую боль — ничего не меняют, а лишь сильнее возбуждают меня.

Сильнее.

Сильнее.

Сильнее.

Сейчас, ничто не имеет значение, лишь Себастьян и этот момент, а так же сладкая усталость, как сироп просачивающаяся через всё моё тело, пока я едва не тону в ней.

И всё равно ему этого недостаточно. Он всё ещё стремится к большему.

Мужчина проскальзывает рукой от моего горла к подбородку, приподнимая голову вверх и немного откидывая назад. А потом прижимается ко мне, проталкиваясь между моих губ, чтобы погладить мой язык своим. Чтобы приласкать уголки моих губ и спуститься к щеке. Чтобы поддразнить, поддразнить и помучить меня, пока он не будет лишь тем единственным, о чём я думаю.

Пока, он не станет всем, чего я хочу.

Я снова дёргаю его за волосы, на этот раз ещё сильнее, и он отвечает, вдавливаясь своими бёдрами в мои, от чего моя задница оказывается прижата к холодному, твёрдому оконному стеклу.

Не то, чтобы я жалуясь. Это то, чего я хотела всё это время. Время для медленных, сладких, выстроенных на желании игр, давно прошло. Теперь между нами растёт отчаянная, разрушительная сила, похожая на бурю в пустыне, которая вот-вот поглотит нас.

Себастьян

Господи, какая же она сладкая. Похожа на яблоко с корицей и тёплый, тёмный мед, что тает на языке. Сладкая, мягкая и восхитительная, такая восхитительная, когда теряется в самом тёмном, самом глубоком поцелуе, частью которого я когда-либо был.

Единственная проблема в том, что я тоже так легко теряю себя.

Я начал потому, что хочу Арию и хочу показать ей, что в действительности означает контролировать каждый аспект себя — свой выбор, своё тело, даже свой оргазм. И всё же, я единственный здесь, чей контроль ускользает всё больше с каждой секундой, пока я продолжаю её касаться.

Глубоко внутри я чувствую, как во мне закипает желание, необходимость взять её, поиметь, и послать к черту последствия. Я хочу трахнуть Арию здесь, перед окном. Хочу развернуть девушку, нагнуть над спинкой одного из своих стульев и войти в неё сзади. Хочу усадить её сладкий, сочный зад на свой стол, опуститься перед ней на колени и пировать.

Но такая потеря контроля не поможет девушке, не даст ей ничего, кроме одного или парочки взрывных оргазмов. И хотя я не тот, кто может отказаться от такой желанной разрядки, но если мне удастся продержаться чуть дольше, если я смогу просто вернуть контроль, который был моей второй половиной долгое время, то смогу намного больше завести её. Нас.

Потому что мне нравится, как она реагирует — из горла девушки вырываются отчаянные, негромкие звуки, а великолепные бёдра подрагивают, когда я снова кусаю её за нижнюю губу. Конечно же, Ария хнычет, смещается и притягивает меня ближе, цепляясь пальцами за петли для ремня на моих брюках.

Я не дам ей то, что она хочет. Отчасти потому, что она не попросила, а отчасти потому, что хочу большего. Может это эгоистично, но я решительно настроен заставить мою Арию кричать.

С этой мыслью на поверхности своего сознания, я притягиваю девушку ближе, погружая язык в тёплый бархат её рта.

Она намного мягче, чем какой я её представлял себе, когда дробил вчера в ванной комнате и намного более страстная, чем когда она снилась мне прошлой ночью.

— Пожалуйста, — шепчет она мне в губы. — Я готова.

Её слова проходят сквозь мой позвоночник, опускаясь прямо к члену. И какая-то часть меня, хочет уступить этой негромко произнесенной фразе. В конце концов, я просто пытаюсь научить Арию контролировать то, чего она хочет — требовать это — и она это делает.

Она хочет этого. Хочет меня. Я могу почувствовать это по поцелую Арии. По её запутывающимся и стягивающим мои волосы пальцам. По твёрдым соскам, что упираются мне в грудь и по бедрам, беспокойно прижимающимся к моим собственным.

И всё же этого недостаточно. Она отдаёт мне так много: своё тело, своё доверие. Но я хочу больше. Я хочу получить всю её, абсолютно всю. И я её получу. В конечном счете. А пока, я буду продолжать действовать настойчиво... и принимать... всё, что она захочет мне дать.

И поэтому я целую её. Неистово. Безумно. Целую, целую, целую, пока не могу сказать, где начинается она, и заканчиваюсь я. Пока её губы не распухают, как мои. Пока губы Арии и этот момент, не становятся единственным, что важно.

И тогда я целую её снова.

Из глубины горла Арии вырывается стон, она задыхается, и я наслаждаюсь этим звуком. Упиваюсь каждым звуком, что покидает её губы и оседает на моих.

Наслаждаюсь тем, как она открывается мне, делится своими секретами и своим удовольствием.

Я изучаю Арию каждым скольжением своего языка и покусыванием зубами, открывая её тайны с каждым поглаживанием рукой и толчком своих бёдер.

Теперь я знаю, что быстрое скольжение языком по её нижней губе вызывает у девушки горячий вздох. Поглаживание рукой по груди — глубокий громкий стон. Пощипывание соска заставляет Арию хныкать. А проталкивание языка глубоко в рот вызывает стон — низкий, страстный, непристойный. Такой непристойный.

Этот звук мне нравится больше всего, и поэтому, я делаю это снова, скольжу своим языком по, над, вокруг её.

И, тем не менее, этого недостаточно. Удовольствие Арии — песня и я хочу услышать каждую ноту.

Я мягко сжимаю её горло, только чтобы почувствовать резкий вдох и низкий, хриплый выдох, который следует после. Она откидывает голову на оконное стекло, зарываясь руками мне в волосы достаточно, чтобы заставить острый, болезненный трепет распространиться по моей голове. Это ощущается хорошо, действительно хорошо, и в награду, я всасываю язык девушки в свой рот, позволяя ей исследовать меня тем же способом, которым изучаю Арию сам.

Она издает новый звук удовольствия — полу-всхлип, полу-смешок, и я добавляю его в список, который мысленно составляю. А потом, я отдаю ей себя — всего себя и всю власть, что у нас есть.

В конечном счете, это становится слишком — слишком много и слишком мало одновременно. Я отрываюсь от её рта, и она стонет, или в знак протеста, или от облегчения, но я зашёл слишком далеко, чтобы это понять. Слегка перемещаясь, я прижимаюсь лбом к окну, рядом со щекой Арии, когда большими вдохами глотаю воздух.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она делает то же самое, и долгие секунды единственным звуком в комнате являются наши судорожные вдохи. Но потом Ария поворачивает голову и улыбается мне вялой, сексуальной улыбкой, которая заставляет меня забыть, почему мне так необходим кислород.

Она поднимает руку к моему подбородку, проводит пальцами по лёгкой щетине, пока смотрит на меня своими глазами цвета полуночи — тёмным, глубоким и немного расфокусированным взглядом.

Сейчас она возвращается из состояния эйфории, её разум и тело полностью настроены на меня. На то, чего хочу я. На то, что нужно мне. Как будто мне не достаточно твёрдого члена, который напоминает, как сильно моё тело нуждается в разрядке. Вместо этого я заставляю себя стоять без движения, пока она изучает меня. Немного поздновато, учитывая, в каком она состоянии, но это то состояние, которое не позволит мне подтолкнуть её. То состояние, в котором я готов дать ей всё, всё, что только могу.

Медлительная и немного неуклюжая — ещё больше признаков, как далеко она зашла, но

по-прежнему чувствует себя прекрасно, когда своими пальцами поглаживает мою челюсть, ухо, и заднюю часть шеи. А затем руками Ария скользит по моей груди к ремню на брюках, просовывает ладони под пиджак и разводит полы в стороны, пока не получает возможность рисовать на моей спине лёгкие узоры, от которых я становлюсь невероятно твёрдым.

Тянусь назад свободной рукой и перехватываю её ладонь. Я подношу её к своим губам, для долгого, затяжного поцелуя в ладошку, прежде чем начинаю облизывать, поднимаясь по "линии жизни". Пальчики Арии у меня в руке, и я слегка пощипываю их кончики перед тем, как сжимаю зубы на "холмике Венеры" — мясистой части руки у основания большого пальца.

Это выдёргивает девушку из тумана, и она взвизгивает, толи, протестуя, толи, приглашая, я не знаю. Так что, пока я не уверен в причине, я размещаю её руку возле бедра, прижимая ладонь к стеклу. А потом целую Арию везде, скольжу губами по щеке, по челюсти и вниз, к стройной, длинной колонне её шеи.

Разжимая пальцы, именно те, которые послужили ошейником и лишили её разума сегодня, я ослабляю хватку, которой сдерживал девушку так долго. Ария издаёт звук протеста от потери и этот звук прекрасен, возможно, это самый красивый звук, который я слышал от неё до сих пор.

Я уделяю много времени ложбинке на горле, изысканной возвышенности и впадинке на её ключице. Целую, лижу, дегустирую кожу. Упиваюсь ей. Претендуя на эту её часть.

Я испытываю пределы собственных возможностей, чтобы не потребовать *каждую* её частичку, поскольку инстинкты, которые я не знал, что у меня имеются, кричат мне сделать это.

Вместо этого, я скольжу кончиком носа до основания девичьей шеи, вылизывая длинными, широкими полосами кожу Арии. На вкус она такая же сладкая, как и её запах. И я хочу потратить часы, дни, изучая каждый дюйм, каждый миллиметр девичьей кожи.

Но она дрожит, заглушая крик, доносящийся из глубины её горла, и я знаю, что толкнул Арию настолько далеко, насколько сейчас это возможно. Отправив себя почти так же далеко. Неделю спустя, чёрт, возможно, всего через несколько дней, я уверен, что буду вспоминать этот момент и думать, как далеко нам ещё предстояло зайти. Но сейчас этого достаточно. Более чем достаточно.

— Я собираюсь раздеть тебя, — говорю я ей и пальцами тянусь к пуговицам плотной, белой рубашки. — Я хочу на тебя посмотреть.

— Да, — это наполовину приказ, наполовину мольба. У меня начинают дрожать руки, когда я пытаюсь расстегнуть первую пуговицу.

У меня никогда не дрожат руки. Но то, что с ними происходит сейчас... даже не знаю, о чём мне думать или что чувствовать.

Поскольку я ничего не могу с ними поделать, то принимаю решение игнорировать дрожь, чтобы добраться до остальных пуговиц. И в то время как есть часть меня, которая хочет не что иное, как разорвать блузку прямо посередине, послав к чёрту все последствия, я обретаю контроль и не делаю этого. Больше ради Арии, чем ради себя.

Через несколько секунд, её рубашка оказывается на полу рядом с нами, и я тянусь к Арии, расстёгивая кружевной белый лифчик, который столь же бесполезен и хрупок, каким может быть бельё, которое по-прежнему называют бюстгальтером. Я вовсе не жалею. Я вижу её тёмно-розовые ареолы через тонкие кружева, и они настолько твёрдые, что выглядят просто великолепно. Это зрелище пронзает мой член, превознося моё либидо на новый

уровень и усиливая его в десятки раз.

А затем исчезает бюстгальтер, и она оказывается передо мной голой по пояс.

Голой, уязвимой и прекрасной. Такая прекрасной.

Я наклоняюсь вперёд, прижимаюсь мягким поцелуем сначала к одной груди, а затем к другой. Она дрожит от прикосновений моей щетины и губ к её чувствительной коже.

— Себастьян, — я не уверен, предупреждение это или мольба, но в этот раз я слишком занят тем, что облизываю её сосок, засасывая его глубоко в рот, чтобы ответить.

Из Арии вырывается пронзительный крик, который сшибает меня словно локомотив. Она поднимает руки и вцепляется мне в плечи. Я терпеливо убираю их, снова прижимая ладони к стеклу рядом с бёдрами.

— Держи их там, — приказываю я и, хотя её бедра крепко прижаты к моим, она делает то, что сказано. По крайней мере, сейчас.

И тогда я возвращаюсь к округлой, мягкой, нижней части её груди, целуя, посасывая и облизывая каждый дюйм, который могу. Она такая мягкая, такая сладкая, такая чертовски красивая, что я не могу устоять.

Несколько раз я присасываюсь достаточно сильно, чтобы оставить метку — я хочу, чтобы она запомнила этот момент, когда посмотрит на себя в зеркало утром. Я хочу, чтобы она помнила обо мне, пока принимает душ, чистит зубы, или делает себе утренний кофе.

Под влиянием мыслей, я сжимаю зубы чуть сильнее, чем собирался. Она вскрикивает, и я бормочу извинения у её кожи, когда приношу извинения своим языком.

Но Ария качает головой туда-сюда, прижимая её к стеклу:

— Сделай это... — у неё срывается голос, и она рывками втягивает воздух в лёгкие. — Сделай ещё раз.

Бл*ть.

Эти три слова — это всё одобрение, в котором я нуждаюсь. Я вгрызаюсь в неё снова. И снова. И снова. Каждый раз я поглаживаю языком маленький укус, который оставляю, чтобы остановить жжение, но моя нежность не обесценивает то, что я отмечаю её. Оставляя след на груди и на теле так, что это увидит даже слепой.

Доступ к телу Арии заканчивается на поясе её юбки и внезапно, даже небольшой клочок материала, кажется слишком большой преградой. Я хочу увидеть её живот, её попку, её великолепную, влажную киску, истекающую от желания. От необходимости. Из-за меня и того, что мы делаем.

Я стаскиваю юбку вниз, помогая Арии поднять по очереди ноги и переступить через неё. А потом она оказывается стоящей передо мной, одетая лишь в пару чёрных удлиняющих ноги туфли на шпильке, ажурные чулки и синяки, которыми я её наградил.

Она самая сексапильная штучка, которую я когда-либо видел.

Её глаза по-прежнему закрыты, а голова повернута так, что горячая щека Арии покоится на холодном стекле. Руки девушки прижаты к офисному окну, пока она эротично прогибается, выпячивая грудь.

Я падаю перед ней на колени, прижимаясь открытым ртом в горячем поцелуе, и спускаюсь вниз по животу, пока не достигаю киски Арии. Я хочу зарыться лицом между её бёдер снова, чтобы вдохнуть пряно-сладкий аромат в свои лёгкие, в свою душу. И облизовать девушку до тех пор, пока она не кончит во второй раз. И в третий.

Это очень заманчивая мысль, которой я пытаюсь сопротивляться, но потом наклоняюсь и скольжу языком прямо по центру её киски.

Она открывает глаза на мгновение, только на мгновение, я вижу, как Ария падает всё глубже в пропасть удовольствия. Это великолепное зрелище, которому я даже не пытаюсь сопротивляться. Вместо этого я поворачиваю голову и резко кусаю её за внутреннюю сторону бедра.

На этот раз она не кричит. Ария не толкается, не подпрыгивает в испуге, не делает ничего, кроме того, что раздвигает ноги чуть шире.

Я мгновенно использую предоставленный мне доступ, толкаясь своим языком внутрь неё ещё раз. А потом я кружу около входа, поглаживаю, скольжу внутрь её киски и обратно, смакуя каждый задущенный крик, каждую дрожь, которые она не может контролировать.

Это не занимает много времени, прежде чем она снова начинает балансировать на краю. Я знаю, что достаточно одного движения моего языка, нажатия большого пальца, медленного, горячего выдоха на её клитор, чтобы отправить Арию за грань.

Именно поэтому я отстраняюсь, усаживаясь на пятки. И жду несколько долгих мучительных секунд, позволяя ей спуститься с вершины экстаза.

— Себастьян? — спрашивает она через минуту или около того, своим хриплым, надломленным, но таким горячим голосом.

— Я здесь, малышка, — я глажу её бедра, её голень, а затем скольжу рукой между ней и окном так, что обхватываю ладонями попку девушку. Она расслабляется от моего прикосновения, растворяясь в нём, пока мелкая дрожь продолжает сотрясать её тело.

Отзывчивость Арии потрясает меня, усиливая до предела моё и без того невыносимое желание. У меня трясутся руки, сердце работает как отбойный молоток и долгое время всё, о чём я могу думать, это как поднять девушку на руки, обернуть её ногами свою талию и врезаться поглубже в женское лоно. Вернуться домой.

Но есть кое-что большее, что я хочу сделать для неё, прежде чем это произойдёт.

И эта мысль именно то, что позволяет мне восстановить контроль, когда я так отчаянно близко к его потере.

А потом я опускаю руку вниз по изгибу её попки, скольжу пальцем между щёчек, упираясь в анус Арии. Она едва не задыхается, но не сопротивляется напору, поэтому я начинаю нежно, но настойчиво поглаживать. Моя вторая рука у неё на груди, и я зажимаю её сосок между пальцев.

Я наклоняюсь, погружаю свое лицо в её киску и просто вдыхаю запах женщины в течение долгих мгновений. Но она беспокойна, напряжена, всё тело Арии будто находится на лезвии бритвы, замерев между отчаянием и удовлетворением. Я знаю, что должен позволить ей кончить, должен положить конец её мучениям, но я ещё не до конца к этому готов. Не тогда, когда Ария выглядит и чувствует себя так хорошо. И не тогда, когда мне хочется увидеть, насколько далеко я могу зайти с ней.

Я облизываю её половые губки, наслаждаясь тем, как она поддаётся вперед своими бедрами, беззвучно умоляя меня о большем. В ответ, я одновременно проталкиваюсь внутрь своим пальцем и языком.

Она задыхается, начинает заваливаться вперёд, но я удерживаю её на месте, прижимаясь своей рукой к груди Арии. Я оставляю тело девушки в таком положении, чтобы иметь возможность коснуться, поцеловать и принять каждую её часть. И сделаю это так, что подвожу девушку к краю, но не отправляю её за грань.

Снова, и снова и снова, я дразню её обещанием освобождения. Экстазом. А потом, опять, опять и опять, останавливаюсь перед тем, как она собирается кончить.

— Себастьян. Себастьян. Себастьян.

Моё имя, слетающее с её губ, мой запах на её теле... ещё никогда я никого так не хотел, как прямо сейчас хочу Арию. Наклоняясь вперёд, я вновь открываю рот и покрываю влажными поцелуями её живот, лобок и клитор.

На этот раз она кричит и рыдает, пока её тело бешено извивается напротив моего, пытаюсь сбить меня с пути. Будто она только закончила плакать после дня непрерывных рыданий, её руки остаются прочно прижатыми к стеклу, как ей было приказано. И независимо от того, насколько хорошо она подчиняется, независимо от того, как хорошо реагирует на меня, в этот момент я буду полным дураком, если подумаю, что всё её тело кричит что-то кроме: нет, нет, нет. Ария возбуждена, её бёдра дёргаются напротив моих, а всё тело вздымается и дрожит, когда она выгибается и буквально кричит от экстаза.

Я толкнул её слишком далеко.

От осознания во мне просыпается гнев. Это моя вина. Ария находится в этом состоянии, потому что я овладел ею здесь. Она так отзывчива, так восприимчива к тому, что я хочу с ней сделать, что позволила мне проскользнуть в свою попку раньше, чем я собирался это сделать. Я упустил свой собственный контроль, не позаботившись о ней достаточно хорошо. Я зашёл с ней слишком далеко, слишком быстро.

Если бы я мог достать до своей задницы, то пнул бы сам себя.

Но я не могу и это всё равно не решит проблему Арии. Не в этом её состоянии.

— Ария, — я произношу её имя твердо, спокойно. А затем жду, чтобы увидеть, ответит ли она. Если услышит меня сквозь стук своего сердца и высокий, душераздирающий крик, который исходит из глубины её горла.

Ария не отвечает. В её взгляде нет признаков того, что она меня услышала. Девушка зашла слишком далеко, её голова покачивается назад и вперёд, бёдра продолжают подёргиваться, а тело дрожать. И будь я проклят, но она — то ещё зрелище. Покрасневшая, дрожащая, отчаянная. Её тело в синяках и вероятно болит. Она рождена для этого, её тело создано именно для этого. Рожденная, чтобы подчиняться. Рожденная, чтобы её контролировали.

Но она слишком далеко зашла и неважно, насколько прекрасно Ария выглядит для меня, я не могу оставить её в таком состоянии. Не тогда, когда она заперта в своей собственной голове и своём теле, что весь остальной мир практически перестал для неё существовать.

— Ария, — на этот раз я произношу её имя более твёрдо, когда прижимаю одну руку к животу девушки, используя его, чтобы оттеснить бёдра девушки к окну и крепко удерживать их на месте. Я её знаю, и мне очевидно, что пройдёт не так много времени, прежде чем она взбрыкнет, так что ей нужны границы. А также ей нужен кто-то, чтобы удерживать её в этих границах. Чтобы зажать её, когда она будет бороться против них, как она делает прямо сейчас.

Но также, ей нужен кто-то, кто позаботится о ней. Будет с ней нянчиться, успокаивать и поставит её потребности выше своих. Вот почему я использую другую руку, поглаживая её по бедру и успокаивая девушку.

— Я здесь, Ария, — шепчу я в перерывах между нежными поцелуями, которыми покрываю её бедра, бока и живот. — Я держу тебя.

В конце концов, она перестаёт извиваться напротив меня, а её дыхание успокаивается и возвращается к какому-то подобию нормальности. Но когда Ария медленно открывает глаза,

я могу сказать, что она всё ещё находится за гранью. Возможно, девушка и смотрит вниз прямо на меня, но она меня не видит. Ария далеко, у неё стеклянный и немного расфокусированный взгляд.

Ярость от моей собственной глупости снова возвращается к жизни. Я отгоняю её и прячу поглубже — позже для этого будет достаточно времени. На данный момент я должен позаботиться об Арии.

Грубо обхватив одной рукой её грудь, я потираю большим пальцем сосок, одновременно глубоко проталкивая двумя пальцами внутрь киски и неважно правильно это или нет, чтобы погладить точку G.

У меня занимает всего несколько секунд, чтобы найти её. И тогда я потираю там, раз, второй, а затем ещё и ещё, в то время как большим пальцем вывожу круги на клиторе, пока другой рукой массирую сосок.

А потом она кончает с удушающим криком и дрожью, которые проходят сквозь меня. Но я не останавливаюсь, пока нет. Вместо этого я продолжаю свои действия, продлевая её оргазм до тех пор, пока не наступает второй, и останавливаюсь только тогда, когда тело Арии снова оседает напротив окна — на этот раз с облегчением, а не отчаянием.

Я поднимаюсь на ноги, сжимая её в объятиях. Сейчас она такая хрупкая, такая нежная, и вдруг я понимаю, что она всегда была такой. Ария может действовать смело и дерзко, будто готова завоевать весь мир, но внутри она мягкая, хрупкая и отчаянно нуждающаяся в заботе.

— Прости меня, — шепчу я, прижимаясь поцелуями к её виску, щеке, губам.

Она не отвечает и быстрый взгляд ей в глаза говорит мне всё, что нужно знать. Ария ещё не вернулась, не полностью.

Я осматриваю офис и бормочу проклятия, впервые замечая, что тут нет грёбаного дивана, на который можно сесть. Нет места, где я могу сесть с ней на руках и нежно прижать к себе. Поразмыслив об одном из презренных стульев, я начинаю поднимать девушку на руки.

Она останавливает меня одним словом:

— Ещё.

Прежде чем я успеваю понять, о чём она просит, Ария впивается в меня как пиявка — сама оборачивает вокруг меня руки и ноги, переплетая своё тело с моим.

Инстинкт заставляет меня опустить руку на её попку и прижать бёдра девушки к моему всё ещё твердому члену.

— Ты хочешь кончить снова, малышка?

Я надеюсь, что это именно то, что она имеет в виду. Я хотел бы провести следующие два часа или следующие два дня, делая не что иное, как доставлять ей удовольствие. Только эта мысль заставляет меня, стиснуть зубы и бороться с собственным подступающим оргазмом. То, что и так кажется почти невозможным, особенно когда она прижимается горячим поцелуем к коже прямо под ухом и шепчет:

— Я хочу, чтобы ты меня трахнул, прямо здесь, на фоне окна.

Дерьмо. Чёрт. Бл*ть. Она слишком хорошо выучила урок; от неспособности попросить то, чего хочет, перешла к тому, что требует этого как должное.

Я почти кончаю от одной только мысли об этом, не говоря уже о её словах и образах, которые они вызывают. Но сейчас она для этого не в форме, не после всего, что я с ней сделал. Может быть вечером, завтра, или в любое другое время, но прямо сейчас, я бы

налетел на Арию прежде, чем приглашение даже успело бы покинуть рот девушки. Тем не менее, прямо сейчас она слишком уязвима, и последняя вещь, которую я хочу сделать — сломать её.

— Ария, — я стаскиваю её руки со своей шеи, пытаюсь сделать шаг назад. Но нога девушки находится между моих ног, обернутая вокруг икры, и она не отпускает меня. Не позволяет мне отступить.

— Не говори мне, что ты не хочешь меня, — словно в приглашении, она трётся о мой член, и у меня нет желания ей отказывать.

— Конечно, я хочу тебя, — говорю я Арии, и хотя мои руки на её бедрах, я не могу собраться с силами, чтобы оттолкнуть девушку.

— Тогда возьми меня, — теперь её очередь прижиматься поцелуями к моей челюсти, её очередь использовать язычок, чтобы выводить узоры у меня на коже.

Я заставляю себя отстраниться, чтобы посмотреть ей в глаза. Чёрт возьми. Она может играть роль соблазнительницы, но этого до сих пор недостаточно. Ария просто предлагает мне то, что она думает, я хочу.

— Я не могу. Ты...

— Я что? — своими пальцами она начинает развязывать узел на моем галстуке, который я ослабил несколько часов назад и медленно вытаскивает его из — под воротничка. — Возбуждена? — Ария обматывает на несколько раз одно из своих запястий моим галстуком. Я не могу отвести от него глаз, не могу забыть, как хорошо изумрудный шелк смотрится на фоне её кожи. — Жажда? — она натягивает ткань плотнее и завязывает его в узел так, чтобы ткань не свалилась. А потом этой же рукой хватает за руку меня. — Намокла? — она прижимает мою руку себе между ног и накрывает её своей ладонью. А затем мягко скользит нашими пальцами по всё ещё влажным складочкам.

Бл*ть.

— Я не понимаю, в чём проблема, — говорит она, расставляя ноги, чтобы мы оба могли посмотреть, что делаем. — Ты хочешь трахнуть меня. Я хочу, чтобы ты меня трахнул. Разве этого не достаточно?

Должно быть. Действительно должно быть. Я снова обращаюсь к контролю, прилагая всю силу воли, которая является частью меня. Частью всего этого. Но потом Ария хнычет, соблазнительница исчезает, а её глаза наполняются слезами, и она начинает умолять:

— Пожалуйста, Себастьян, ты нужен мне внутри. Мне нужно... — мой последний контроль лопается.

Хватая её за запястья, я поднимаю их у неё над головой, ловлю концы галстука, болтающиеся с обмотанной руки, а затем связываю руки вместе.

— Повернись, — приказываю я, стряхивая с плеч рубашку.

Когда она замирает, я рывкаю на неё, чтобы она сделала то, что я просил. Но внимание Арии фокусируется на моей груди — на татуировке Феникса, которая покрывает мою грудь. Я точно знаю, что она хочет прикоснуться к ней, но я в грёбаных десяти секундах от того, чтобы кончить, так что я не собираюсь ей позволять к себе прикасаться. Я хватаю девушку за руки, которые она продолжает опускать, и поднимаю их у неё над головой. А потом поворачиваю её лицом к окну так, что она прижимается к стеклу руками, щекой, грудью и киской.

Внизу под нами Вегас, сверкает калейдоскопом жёлтых, синих и зелёных фонарей. Это знаменитый вид, который практически невозможно не заметить, но здесь, сейчас, я почти не

обращаю на него внимание. Всё, что я вижу, чувствую и о чём думаю — это Ария.

Легко и быстро я расстёгиваю свои штаны и вытаскиваю бумажник из кармана. Я достаю презерватив, сжимаю его в руках, которые дрожат всё ещё слишком сильно.

— Поторопись, — упрасивает Ария, толкаясь своей попкой ближе ко мне. — Я хочу...

Её голос прерывается, когда я скольжу своей длинной по её мягким складочкам.

— Как ты хочешь его получить? — рычу я, вгрызаясь зубами себе в губу, чтобы сохранить здравый рассудок. — Жестко и быстро? Глубоко и медленно?

— Любым путём, которым ты захочешь мне дать, — задыхается она.

Самый. Правильный. Ответ.

Оборачивая руки вокруг её бёдер, я тяну Арию назад, чтобы она упёрлась в меня спиной и попкой. Прямо сейчас я весь в огне, яйца болят, член пылает от необходимости похоронить себя глубоко внутри неё. Быстрое скольжение рукой между её бёдер доказывает, что она всё ещё влажная и готовая. И тогда я вхожу в неё одним плавным движением своих бёдер.

Ария кричит, дико выгибаясь. Руками она хлопает по стеклу, и я скольжу по ним сверху, сплетая наши пальцы вместе. Я толкаюсь снова и снова, пока она рывками пытается освободить свои руки, но я не позволяю ей этого сделать. Я отказываюсь отпустить девушку, не сейчас, когда я, наконец-то, получил её так, как хотел с тех пор, когда увидел стоящей с подносом около Кита.

— Себастьян! — задыхается она, и звук моего имени на её губах — сломленный, отчаянный, разбивает последнюю унцию контроля, который у меня есть. С рычанием, я вонзаю свои зубы ей в плечо, чтобы удержать девушку на месте, пока толкаюсь в неё снова и снова.

Я груб, я это знаю, но каждая капля нежности, что была во мне, давно израсходована. Я объезжаю Арию жёстко и быстро, хлопая снова, и снова, и снова её бедрами об окно. Каждый толчок — это вынужденное безумие, каждый удар — декларация собственности. Однако я убеждён, что каждый вскрик — это ключик к её удовольствию, что каждое погружение в её тело, возводит девушку на одну ступень выше.

И более того, она наслаждается этим, её мышцы сжимаются вокруг меня, когда она просит больше. Коленом я раздвигаю ноги Арии так, чтобы получить возможность войти ещё глубже, вгоня свой член так сильно и глубоко внутрь неё, что она никогда не забудет этот момент. Никогда не забудет ощущение меня в ней. Никогда не забудет, как она отдала мне свое тело.

Теперь она рыдает, впиваясь ногтями мне в руки, когда шепчет:

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, — её тело дрожит, а киска сжимается вокруг меня. Это радость и боль, экстаз и агония, тёмное, чувственное и совершенное. Так ох*енно, что я едва могу дышать от необходимости кончить. Но Ария близко, я чувствую это, и не отпускаю контроль, пока не кончит она.

Я медленно разжимаю свои зубы на её плече, и облизываю багровые и фиолетовые следы, которые оставил там. А потом шепчу:

— Отпусти, малышка. Отпусти. Я здесь, чтобы поймать тебя.

Ещё один поцелуй в её шею, ещё один толчок моих бёдер, и она вскрикивает, а спина девушки выгибается как лук, пока Ария всё кончает, и кончает, и кончает. Но этого всё равно для меня недостаточно. Тем не менее, я хочу большего.

Я стискиваю зубы, поддерживая жёсткие, сильные толчки, пока не сводит мышцы. Пока

пот не начинает стекать по моему телу, а мой член не может получить облегчение. Пока Ария не кончает ещё раз, шатаясь и сжимаясь подо мной, а её тело не становится лишь сосудом для всего, что я хочу ей дать.

Только тогда, когда она в безопасности и пресыщена, и почти слаба от истощения, я позволяю себе кончить. И когда оргазм настигает меня, когда он проходит через меня как удар, это настолько сильно, мощно и всепоглощающе, что на мгновение он похож на самую смерть.

Ария

Когда это заканчивается, я чувствую себя странно. Немного потерянной, немного опьянённой, но больше обессиленной. Моё тело ощущается свинцовым, как будто ему потребуется больше энергии, если я снова захочу начать двигаться.

Теперь, когда удовольствие не проносится через каждую мою клеточку и нервные окончания, впервые больше чем за час мой мозг возвращается на место. Или, по крайней мере, переходит от охренеть-как-мне-необходимо-кончить задачи к всё ещё сильно прижимающемуся ко мне Себастьяну.

Себастьян.

Он всё ещё внутри меня, его грудь по-прежнему прижата к моей спине, а его пальцы всё ещё переплетены с моими. Но он не делает никаких попыток отстраниться. Или уйти, теперь, когда получил от меня то, что хотел.

Слёзы... уязвимые, бессмысленные, жалкие слёзы застилают мне глаза, и я пытаюсь их игнорировать. Наверное, я тоже проделала с ним очень хорошую работу, если бы они не сделали всё размытым. Особенно огни Вегаса, раскинутые под нами повсюду, куда я не брошу взгляд.

Если честно, то надо признать, мне нравится, что всё плывет. Так всё выглядит приятней, призрачней, просто немного не в фокусе. Это скрывает истину моей жизни... в том числе и ту, где мой шеф просто трахает меня в своём кабинете, как какую-то надувную резиновую куклу... так гораздо легче смотреть на это.

Тот факт, что он не почувствовал всё так, как это ощутила я, будто это что-то большее... что-то мощное... только доказывает, насколько я глупая.

Мне казалось, что этот урок я усвоила уже давным-давно.

Внезапно, я больше не могу выносить того, что он всё ещё внутри меня. Я слегка отталкиваю его назад. Это занимает пару секунд, но он улавливает намек.

— Ты в порядке? — бормочет он после того, как выходит из меня. Его губы скользят по моим плечам, оставляя нежные поцелуи вдоль спины.

— Да. Только руки больно.

— Верно. Прости, — он расцепляет наши пальцы, а затем отступает назад, убеждаясь, что держит меня достаточно крепко, когда отпускает мои руки и осторожно их развязывает.

В действительности мне не было больно до этого... или если и было, то мысли в моей голове всё загмили, но теперь, когда мои руки свободны, и к ним приливает кровь, такое ощущение, будто меня жалит миллион булавок и иголок.

Я ничего не говорю ему об этом, но каким-то образом Себастьян и так об этом знает... наверняка потому, что у него гораздо больше опыта в завязывании людей, чем у меня быть связанной самой... и хватает меня за правую руку, нежно её массируя. Когда к руке возвращается чувствительность, он переходит ко второй, всё ещё обвивая мою талию руками и прижимаясь своим телом к моему.

Я не знаю, что мне об этом думать. О Себастьяне, о том, что мы делали вместе, или о том, как он заботится обо мне сейчас. Мне кажется, я ожидала, что он отнесётся к этому, как и любой другой богатый человек — трах-бах, бам, убирайся отсюда, мэм, но вместо этого он

добрый и нежный.

Он заботится обо мне. И я позволяю ему это.

Это, также, является шоком. По большей части, я самостоятельная девушка, или, по крайней мере, пытаюсь такой быть, и то, что мне нужны — его нежность, его комфорт, успокаивающие ласки мужских рук, вниз по моей спине — тревожит меня так, как не встревожил меня секс.

И секс был довольно тревожащим — крышесносный способ вытянуть-меня-из-моей-зоны-комфорта.

— Мне нужно вернуться к работе, — мой голос звучит хрипло, как будто я не использовала его некоторое время. Или словно я провела последний час, выкрикивая имя Себастьяна.

— Я знаю, — он прижимается долгим, затяжным поцелуем к моему голому плечу. — Но провести ещё нескольких минут вместе никому не повредит.

— За исключением моих чаевых.

— Верно. Твои чаевые, — он отступает, а затем нагибается и собирает мою одежду. Когда я забираю её у него, то отказываюсь встречаться с ним взглядом. Я также сделаю все возможное, чтобы игнорировать тот факт, что на мне по-прежнему надеты высокие каблуки и чулки.

— Я могу воспользоваться твоей ванной комнатой?

— Да. Конечно, — он кладёт свою руку мне на поясницу, мягко поглаживая своим большим пальцем кожу на ней, когда подталкивает меня к закрытой двери на другой стороне комнаты.

— Спасибо, — я хватаюсь за дверную ручку, по-прежнему стараясь не смотреть на него.

— Эй, — он кладёт два пальца мне под подбородок, приподнимая моё лицо вверх, пока мне не остается ничего, кроме как смотреть на него. — Ты уверена, что с тобой всё хорошо?

— Я в порядке.

— Да? — он выглядит обеспокоенным, как будто действительно заботится обо мне, и это ещё больше сбивает меня с толку. Я не знаю, что он хочет от меня сейчас услышать, не знаю, что я как предполагается, должна чувствовать. Я почти полностью голая, совершенно незащищенная, и всё, чего я хочу — немного одежды. Шанс вернуть в игру свою голову.

— Да, — я проталкиваюсь мимо него в ванную, захлопываю, а затем запираю дверь позади себя. Я прижимаюсь к ней в течение долгих секунд, поскольку пытаюсь переварить в голове всё, что только что произошло.

Это не большое дело. Я имею в виду, да, у меня был просто душераздирающий секс. С моим боссом. И да, он только третий парень, с которым я спала в своей жизни. Всё это означает, он может превратиться в большое дело. Если я позволю этому случиться. Чего я не собираюсь делать.

Бросая свою одежду на закрытую крышку унитаза, я направляюсь к раковине. И встречаюсь лицом к лицу со своим отражением в зеркале, впервые с тех пор, как всё это началось.

Святое. Дерьмо.

Я выгляжу так, как и должна выглядеть хорошо оттраханная женщина. Мои волосы в беспорядке, глаза остекленели, щеки покраснелись, а мои губы... чёрт. Губы тёмно — розового цвета, они распухли, а моя красная помада по — прежнему размазана по моему подбородку, по щеке, и даже горлу.

И моё тело... Боже мой. Моё тело покрыто синяками, следами от зубов и розовыми ссадинами от короткой щетины Себастьяна. Моя грудь, мой живот, моя шея, мои руки. Внутренняя часть моих бёдер. Все.

Ужасно... очаровательно... я дотрагиваюсь до них рукой. Пальцем. И забавляясь, соединяю линии между темными синяками. Есть один по краю моей челюсти и четыре на шее. Два на моей груди слева, три справа, включая те, что прямо над моим соском. Я пробую на него немного надавить, морщусь от боли и стараюсь игнорировать тот факт, что от одного простого прикосновения мои соски встают по стойке смиренно и искры тепла проходят сквозь моё тело.

Мой сосок такой чувствительный просто потому, что ему уделил внимание Себастьян? Ради интереса я аккуратно обвожу его пальцем. Или меня так заводит боль, даже, несмотря на то, что я уже устала? Неужели Себастьяну Кейну удалось связать боль и удовольствие в моей голове? В моём теле?

Эта мысль беспокоит меня больше, чем всё остальное тревожило меня до этого. Даже больше, чем синяки, разбросанные как конфетти по моему животу, бёдрам и... я делаю быстрый поворот, оглядываясь через плечо — спине. И, если быть честной, те, что на виду, беспокоят меня значительно сильнее.

Не потому, что они есть, а из-за того, чего они мне будут стоить. Может, я слишком мнительная, может, я ищу следы там, где их нет, но стоя здесь, глядя на отметины на своем теле, особенно учитывая, что многие из них на видных местах, я не могу отделаться от мысли, что Себастьян пометил меня, заклеил меня. Как собственность. Или домашнего питомца.

На мгновение, всего на миг, образ Карло всплывает у меня в голове. Обходительный, утонченный, ревностно оберегающий. Так ревностно. Раньше он так же отмечал меня, напоминал мне и всем остальным, кому именно я принадлежала.

Можно подумать я могу забыть.

Подстилка.

Дешевая проститутка.

Бродяжка.

Слова врезаются в меня, как удары, оставляя синяки, которые не так-то легко увидеть. Просыпаются старые травмы, которые я думала, были исцелены; старые шрамы, которые я была уверена, исчезли в небытие.

Внезапно, я понимаю, что больше не могу смотреть в зеркало, не могу смотреть на свое обнажённое тело... или следы, которые Себастьян оставил на нем. Я наклоняюсь за своей одеждой и натягиваю её на себя так быстро, как это возможно. И тогда я открываю воду и тру, тру, тру, стирая помаду со своего лица. Красную, лживую помаду, которая кричит громче, чем любые слова.

Я останавливаюсь лишь, когда раздаётся стук в дверь. Мой желудок скручивает от спазма, и на миг, просто на мгновение, возвращаются старые страхи. Я чувствую желание сжаться, свернуться в клубок, чтобы сделать себя как можно меньше.

Осознание, где я, приводит меня в бешенство. Я расправляю плечи и прочищаю горло. Глядя в свои глаза, которые отражаются в зеркале, я отвечаю с большей уверенностью, чем ощущаю на самом деле:

— Я почти закончила. Я выйду через минуту.

— У меня в шкафу нашлось несколько вещей. Думаю, они помогут тебе почувствовать

себя более комфортно.

Комфортно? Я не думаю, что сейчас, хоть что-нибудь поможет мне почувствовать себя комфортно. Не тогда, когда моё прошлое и настоящее неожиданно сближаются после того, как я так усердно работала над тем, чтобы удержать их отдельно друг от друга.

Однако, я всё равно открываю дверь и улыбаюсь Себастьяну, хотя мои чувства от этого далеки. Он уже надел свой костюм и на секунду я жалею, что больше никогда не увижу его великолепную татуировку... или крепкую, с хорошо развитой мускулатурой грудь, на которой она нарисована.

— Спасибо, но думаю, у меня есть всё, что нужно, — я не смотрю дареному коню в зубы, но если я что-то и узнала за время, что стояла на коленях и за время, проведённое здесь, в этом казино — это то, что богатые мужчины постоянно завоевывают. Постоянно что-то ищут. Очередной миллион. Следующий шанс. Следующее красивое, молодое личико.

Опять же, не похоже, что у меня осталось хоть что-то, чтобы предложить ему. Он просто взял меня стоя напротив окна в своем кабинете. И так как моё тело — это всё, чего я стою, то я уверена, что он со мной закончил.

Он сжимает в руке маленький чёрный пакет.

— В любом случае возьми это. Может быть, там есть что-то, что ты сможешь использовать.

Спорить бесполезно. Не сейчас. Не с ним. И поэтому я просто киваю и бормочу:

— Спасибо, — прежде чем снова начинаю закрывать дверь.

Он придерживает наполовину закрывшуюся дверь.

— Ария.

— Да, — на этот раз, я заставляю себя посмотреть ему в глаза. Правила богачей и всё такое.

— Ты уверена, что с тобой всё в порядке?

— Конечно, — усмехаюсь я, хотя мне далеко не до смеха. — Почему не должна быть?

— Это было довольно интенсивно.

Он поднимает руку к моему лицу, и прижимает её к щеке так, как делал это раньше. Только на этот раз в этом нет никакого сексуального подтекста, в его прикосновении нет ничего хищного. На самом деле, если бы мне пришлось выбрать одно слово, чтобы описать его действия, я сказал бы, что он утешает меня. Он ощущается... безопасным.

Безопасность.

Это такое сильное слово... и сильное ощущение. Я искала безопасное место очень давно и слишком долго. Тот факт, что я чувствую его здесь, сейчас, с ним... потрясает меня. Смущает меня. И на мгновение, только на мгновение, я хочу раствориться в его прикосновении. Хочу, чтобы он обнял меня, и позаботиться обо мне так, как он, очевидно, должен.

Только... я так больше не делаю. Я больше не та девочка.

— Со мной все хорошо, — говорю я ему. — Честно. Просто позволь мне закончить приводить себя в порядок, и я уберусь с твоего ковра.

— Ты можешь оставаться так долго, как только захочешь.

— Да, ну, я не уверена, что это оценит Дэвид. Я и так на час опаздываю на работу, а эта ночь — весьма напряжённая. Он, наверное, готов уволить меня снова, и ещё раз даже после твоего телефонного звонка.

— Ты не должна об этом беспокоиться, — тот факт, что он звучит искренне, а не

высокомерно, делает меня немного сумасшедшей. Как этот милый, заботливый мужчина, может быть одним и тем же человеком, который так запросто связал меня и трахнул до потери сознания на фоне окна? Который оставил на мне более десятка синяков? Который сказал мне, что всё в жизни контролирует?

Это бессмысленно.

Но жизнь полна тайн, и это одна из тех, которые я просто не в состоянии разгадать. Потому что единственный вариант это сделать — остаться на некоторое время, чтобы попробовать понять его, что вообще не вариант. Не для меня.

— Я просто дразню тебя, — говорю я Себастьяну с нахальной ухмылкой и поглаживаю его по щеке. — Я буду через минуту.

На этот раз, когда я пытаюсь закрыть дверь, он отпускает меня.

Беглый взгляд внутрь пакета подсказывает мне, что Себастьян действительно все продумал. Косметика, зубная щетка, дезодорант, расческа, даже чистая пара кружевных, чёрных трусиков, среднего размера. Конечно они из "Агент Провокатор", в то время как мои куплены в "Таргет", что лишь добавляет ему дополнительных очков. Или добавило бы, если бы я вела счет. Который я абсолютно не веду.

Я кладу пакет на столешницу, не используя ничего из его содержимого. Можно сказать, что Себастьян из разряда "хороших парней", но это не значит, что я хочу получить от него больше, чем уже получила. Если и есть хоть одна вещь, которую я узнала от живущих в Лас — Вегасе, так это то, что, так или иначе, долги всегда должны быть оплачены. Он позволил мне сохранить свою работу и подарил мне лучший секс в моей жизни. Весы уже качнулись в неверном направлении.

От последней мысли глаза начинают жечь слезы, но я промаргиваюсь. Не стоит плакать из-за трёх оргазмов. Или их было четыре? Где-то в середине водоворота я сбилась со счета. В любом случае, в мире есть гораздо более худшие вещи, о которых стоит волноваться, чем действительно хороший секс.

Как то, что я не могу пойти туда в таком виде. Не могу вернуться к работе, со всеми этими отметинами на теле. Это равносильно тому, чтобы дать "зелёный свет" всем мудакам. Впервые с тех пор, как я встала в ванной перед зеркалом и отстригла почти два фута от своих волос, я жалею о своем решении. В этой ситуации, длина волос до талии, помогла бы скрыть множество грехов.

Но так как это не прокатит, и, ни один из умилительных вариантов Себастьяна не годится, я решаю послать волнения по этому поводу ко всем чертям. Я расправляю по рукам рукава, застегиваю свою рубашку, поднимая повыше воротник. А потом я натягиваю на лицо самую нахальную маску, которую только могу изобразить.

Мой отец всегда говорит, что если ты не можешь избить гадов, то ты можешь присоединиться к ним.

Себастьян

Уже полночь, и я не в силах принять решение. Мне не удалось сосредоточиться на куче финансовой информации, или каких-либо документах, которые мне нужно просмотреть. Вместо этого, последние три часа я провёл глядя в пространство, поочередно пытаюсь работать и изучать личное дело Арии.

Ни одно это занятие не является поведением, которым я мог бы гордиться.

С другой стороны, я никого не заставляю выполнять свою работу. Она никуда не денется до трех часов утра, когда я соберусь ею заняться. И не похоже, что мне всё таки удастся найти заявление Арии о приёме на работу. Всё, что мне удалось выяснить — это то, что она проработала в "Атлантисе" на протяжении четырнадцати месяцев, и проявила себя, как образцовый сотрудник за время, которое находилась здесь, благодаря чему четыре недели назад её перевели в зал с высокими ставками. А так же, что она живёт в квартирке в плохом районе — это я знаю из личного опыта, и у неё нет никаких контактов для экстренного случая.

Эта последняя запись в её личном деле расстраивает меня больше всего, ну, последние две, если честно. Но плохой район — это то, с чем я могу поработать. Отсутствие экстренной связи, означает тот факт, что в её жизни нет никого, кому можно было бы позвонить, если что-то пойдёт не так.

Она молодая. Двадцать четыре. Слишком молодая, чтобы потерять обоих родителей при обычных обстоятельствах. Слишком молодая, чтобы не иметь каких-либо друзей — одноклассников или кого-то ещё. Она заявила, будто не училась в колледже, но она так умна и учтива, что я в это не верю. Опять же, при нормальных обстоятельствах, вероятно, она могла бы учиться.

И эти обстоятельства заставляют меня задаться вопросом: что же с ней случилось? Какая у неё была жизнь? Жертвой каких ненормальных обстоятельств она стала?

Ария носит свою позицию как доспехи, когда отстаивает свои интересы или кого-либо ещё, кто по её ощущениям в этом нуждается. Она легко ставит на место Китов, но ещё легче переступает границы. Она не берёт ничего, что рассматривает как подачку — она приняла свою работу назад, потому что заслужила её, но не прикоснулась ни к одной вещи в пакете с туалетными принадлежностями, которые я ей купил. Ни к одной вещи. И хотя она была потеряна и даже больше, чем ранее во время секса, она не позволила мне помочь ей после него. Чёрт, после этого она едва позволила мне до себя дотронуться.

Вместо этого она заперлась в ванной, а потом, виляя бедрами, вышла из моего кабинета с улыбкой и отмахнулась от меня, как будто мы только что не переспали друг с другом. Ох, она была вежлива. Даже дружелюбна. Но это был тот же самый вид дружелюбия, который она демонстрировала клиентам, не пытающимся залезть в её маленькие чёрные кружевные трусики. А так как я уже побывал в них, и даже стащил их с неё, то просто ожидал немного большего, чем когда она позволяла тем мужчинам, и мне не кажется, что я прошу слишком многого.

Она как масса противоречивых ионов — неожиданное поведение и никаких объяснений — и я не могу заставить себя выкинуть её из головы. Я говорю себе: это потому, что она — отвлечение, кто-то, кого я нашёл, чтобы отвлечься от того, как резко в последнее время

закрутилась моя жизнь, и удивительно, что я ещё не свернул себе шею. Или, казино, дела которого буквально поджигали мою задницу.

Но даже когда я топлю себя в этой теории, есть часть меня, которая знает, что это неправда. Знает, что как бы я не был заинтересован в Арии, мой интерес не настолько поверхностный, как хотелось бы думать. Даже не настолько поверхностный, каким я хочу, чтобы он был, что опять же, если быть честным, не имеет ничего общего с поверхностностью.

Я смотрю на всё те же ничего не значащие цифры, что и последние десять минут, и до сих пор понятия не имею, что они значат... кроме очевидного: "твой отец построил это место с нуля", вот что я слышу почти каждый раз, когда пытаюсь разобраться с финансовой частью бизнеса.

Просто мне не нравится, что Ария так одинока. Мне не понравилось то, что я увидел в зале, когда все в казино от дилера до охранника повернулись к ней спиной. И теперь мне не нравится это, я знаю, что у неё никого не осталось в реальной жизни, совсем никого.

Возможно, я слишком остро реагирую. Делаю из мухи слона. На то, почему она не вложила телефонный номер для экстренной связи, могут быть всевозможные причины. Но в большинстве случаев, наиболее логичный вывод является правильным, и в этом случае, вывод такой, что у неё никого нет, чтобы приложить чей-то номер к личному делу.

Это не тот вывод, которым я могу быть доволен.

И пока я составляю список вещей, от которых не в восторге: мне очень не нравится, что она отталкивает меня, как будто я ей мешаю или пытается игнорировать, в ожидании того, что я отстану. Это был самый крышесносный секс в моей жизни, а мы даже одну десятую часть вещей, которые я хочу с ней сделать, не испробовали. Ни при каком раскладе я не выйду из игры так быстро.

С этой мыслью, которая крутится у меня в голове, я опять опираюсь на свой стол. Нет ничего плохого в том, если я пройду по казино, чтобы проверить, как идут дела. Конечно, я уже сделал тоже самое несколько часов назад, до того, как ко мне в офис пришла Ария, но на таких больших "кораблях", особенно когда они находятся на грани потопления, это расплата за возможность быть бдительным.

И если я совершенно случайно наткнусь на Арию, пока проверяю работу казино, ну, тогда, я смогу убить двух зайцев одним выстрелом.

За исключением того, что когда я вхожу в зал с большими ставками, пройдя длинной дорогой через приемную, кухню, работающий ночью ресторан и почти каждую зону казино, так как не хочу выглядеть слишком заинтересованным, даже для себя, то вижу едва стоящую на ногах Арию. Каждый её шаг — это агония.

Ария бледна, её кожа выглядит почти восковой в ярких огнях казино, и она покачивается на ногах. У неё проступили под глазами тёмные синяки, а руки трясутся при раздаче напитков. Даже хуже, кажется, будто ей не хватает энергии, чтобы отбиться от наглецов, что она в состоянии сделать, и я уже видел подобное дважды. Вместо того чтобы сделать им замечание, увернуться от их нежелательных прикосновений или даже смутить их, как она делала на видео, которое я просматривал вчера, она просто позволяет им злоупотреблять ситуацией.

Я смотрю, как по её бедру скользит его рука, или он похлопывает Арию по заднице или... пока я стою здесь и наблюдаю... как он сжимает её грудь. Ублюдох.

По моим венам течёт чистая ярость, когда я делаю шаг вперёд, чтобы спасти Арию. Я

уже почти на полпути, когда девушка разворачивается и уходит прочь, к большому разочарованию того мудака, который её лапал. Я осматриваюсь вокруг, в попытке увидеть, обратили ли внимание на то, что здесь происходило служба безопасности и охрана, и пытаюсь понять, повлияло ли как-то мое вчерашнее дневное выступление на всех. Но прежде, чем я успеваю подойти и набить морду Киту с шаловливыми ручонками, к нему приближается новый охранник и что-то ему говорит.

Ха. Может, в конце концов, моё сообщение будет доставлено.

Но у меня в приоритете не будущее обеспечение работой других моих сотрудников, которые должны быть важны для меня прямо сейчас, и неважно, что я вернулся в это чёртово место именно по этой причине. Чтобы гарантировать то, что это место не загноётся и не оставить всех этих людей без рабочих мест или пенсионных накоплений, которые они заработали за годы службы. Нет, прямо сейчас всё, о чём я беспокоюсь — это как добраться до Арии и вытащить её из этого ада максимально быстро.

Взгляд на часы говорит мне, какой я — идиот, поскольку просто проделал хорошую работу, потратив своё время, пока шёл сюда окольными путями. Ария освободится не раньше, чем через час. Но она должна уйти сейчас, прежде чем всё закончится тем, что девушка упадёт из-за этих дурацких каблуков и причинит себе боль. Или прежде, чем я закончу тем, что разобью морду какому-нибудь придурку, который решит, что раз она отошла, то теперь пришло время поиграть с ней.

Я наблюдаю, как к ней прикасается другой клиент, скользя рукой вверх и вниз по задней части ноги. Ария немного дёргается из-за непрошенных ласк, но не отстраняется. Не говорит ему прекратить.

Именно так. Мне надоело на это смотреть.

Я пересекаю расстояние тремя большими шагами, а затем скольжу рукой по её поясице и хватаюсь за бедро, притягивая девушку назад к своей груди. Бросая косой взгляд на ублюдка, который её тискал, я склоняю голову, и он отстраняется. Хорошо. Мне бы не хотелось ломать ему руки или выбивать зубы, потому что я уверен, что он в моём казино впервые.

Тот факт, что Ария тут же не реагирует на мои действия, говорит мне обо всём, что я должен знать о том, в каком она состоянии.

Я увожу её к бару, а потом в маленький закуток позади него. Это не большое уединение, но лучшее из того, на что я могу рассчитывать прямо сейчас.

Она всё ещё не сражается со мной, до сих пор не говорит мне, что должна вернуться к работе. Я впервые признаю, что ещё не очень хорошо знаю Арию, несмотря на наш очень интимный опыт в моём кабинете пару часов назад, но я достаточно умен, чтобы понять, что это не её обычное поведение. Что только заставляет меня волноваться ещё больше.

— Эй, — говорю я, прижимая руку к подбородку Арии, и приподнимаю её лицо так, чтобы она взглянула на меня. — С тобой всё хорошо?

Её глаза тусклые, безжизненные, без искорки, которую я видел, когда три дня назад пригласил девушку в свой кабинет.

— Я в порядке, — даже её голос звучит почти монотонно.

Она не в порядке. Чёрт побери, даже близко не в порядке. А когда я смотрю на неё, то понимаю, в чём проблема. И что это на сто процентов моя вина.

Сабдроп (*прим. пер.: (subdrop — падение)*) — собирательное название для негативных симптомов как физических, так и психологических, которые иногда могут отмечаться у

сабмиссивов сразу или через некоторое время после полового акта). Слово врежется в меня, как чёртов товарняк. Я никогда не видел его так близко... никогда не брал на себя подобные обязательства перед тем, как начинал ухаживать за чертовски строптивыми женщинами, с которыми когда-либо был, но это не значит, что я не узнаю его, когда он смотрит мне прямо в лицо.

Когда это моя грёбаная вина.

Я не позаботился о ней. То, что я хотел, пытался, а она не позволила мне, не имеет значения. Сегодня она так легко отправилась за грань, так быстро позволила мне овладеть своим телом, что я должен был догадаться, что что-то подобное случится. Особенно когда после этого, она не позволила мне обнять и успокоить себя. Особенно когда она действовала так, будто была в полном порядке. Как будто всё было совершенно нормально.

Она не в порядке, ведь что-то пошло не так. Последний раз я был так зол на себя за то, что поступил как безразличный мудака почти десять лет назад. Это были совершенно разные обстоятельства, совершенно ужасные обстоятельства, но я не менее зол на себя, чем был тогда. Что чертовски серьёзно говорит о том, как сильно я облажался. И что именно я начинаю чувствовать к этой женщине передо мной. Женщине, которая имеет душу воина и сердце сабмиссив.

— Мне жаль, — говорю я ей, прижимаясь своим лбом к её. — Мне очень жаль.

Она качает головой, пытаюсь отодвинуться.

— Я не знаю, за что ты извиняешься, — она поглядывает через моё плечо, а потом начинает отталкивать меня. — Я должна вернуться к работе.

— На сегодня, твоя работа закончена.

— Нет, я не закончила. Мне нужна эта работа, — она отходит от меня подальше и направляется напрямиком к бару. — Мне нужны два брусничных "Абсолюта", "Нолет Резерв" с содовой и две диетические "Колы", — говорит Ария бармену.

— Возьми эти, — отвечает он.

— После того, как отнесешь их, ты закончила.

— Я закончу через час, когда закончится моя смена.

— Не спорь со мной, Ария...

— Я просто хочу выполнить свою работу, Себастьян. Позволь мне это сделать.

— Эй, Ария, — говорит бармен, когда один за другим выставляет напитки на барную стойку. — Этот парень пристаёт к тебе?

— Нет, — она смотрит прямо сквозь меня. — Он меня совсем не беспокоит.

Я злюсь, пока наблюдаю, как она расставляет напитки на подносе, и пытаюсь ей помешать. Частично ради неё, но в основном из-за себя. Я знаю лучше. Я бл*ть знаю лучше. Неважно, что Ария сказала мне, неважно как она себя повела, когда вышла из моего офиса, сейчас у меня была возможность закончить начатое.

На данный момент у меня есть два варианта развития событий. Я могу заставить Арик уйти сейчас или могу подождать, пока не закончится её смена. И хотя каждый мой инстинкт кричит, что я должен вытащить её отсюда сейчас же, я достаточно умен, чтобы понять, что это будет ошибкой. Отчасти потому, что Дэвид уже смотрит на нас с подозрением и в отличие от бармена, он точно знает, кто я. Последнее, чего я хочу, чтобы прямо сейчас Ария разбиралась со слухами про нас двоих, особенно если никто из нас пока не знает, что именно "нас" действительно привлекает друг в друга.

Что более важно, она сказала мне, что хочет остаться. Прямо сейчас, пока она

разваливается на части, последнее, что я хочу сделать — это вырвать это решение из её рук. Она не доверяет мне, так что принуждение, где сейчас я буду настаивать на своём, вероятно, самая травмирующая вещь, которую я могу с ней сделать. С нами.

И я жду. С нетерпением. Молча закипая каждый раз, когда она спотыкается. Каждый раз, когда какой-то хер с яйцами больше, чем его сострадание, тянет к ней свои руки. Я бы позаботился о нём, прежде чем это произойдёт, если бы я мог, но этим вечером все места заняты и нет никакой возможности определить, кто будет вести себя по-человечески, а кто окажется полным придурком. По крайней мере, после того, как всё это закончится, я буду счастлив ей объяснить, как сильно она ошиблась.

Но этого недостаточно. Не тогда, когда Ария настолько уязвима. Так потеряна. Так опустошена. И зная, что это с ней сделал я... что я довёл её до такого состояния, когда всё, чего я хотел — доставить ей удовольствие — сводит меня с ума.

Я никогда раньше не был так беспечен, и то, что я совершил с ней ошибку, делает всё только хуже в десятки раз.

Пару раз я пытаюсь заговорить с ней, чтобы успокаивающе погладить Арию по спине и прикоснуться к её плечу, но когда она просто с непониманием впивается в меня взглядом, то я ощущаю себя похожим на любого другого мудака, который пытался поймать её, пока она делала свою работу.

Это не хорошее ощущение.

И так, по итогу, я усаживаюсь на стул в баре, откуда могу наблюдать, как медленно движется секундная стрелка на моих часах, неспешно передвигаясь от цифры к цифре. Снова, и снова и снова. Шестьдесят секунд... шестьдесят минут... не так уж и долго.

Когда часы показывают 2:30, я встаю со стула и иду через весь зал, чтобы рукой обхватить Арию за талию.

— Я ещё не закончила, — говорит она мне.

Я начинаю говорить ей, чтобы она об этом забыла и что я обо всем позабочусь, но заставляю себя остановиться. Главная моя задача — помочь Арии начать контролировать собственную жизнь, а не забрать контроль себе.

Таким образом, я жду ещё немного, пока наблюдаю, как она нажимает несколько клавиш на компьютере и выходит из системы на ночь.

Когда она заканчивает со всеми делами, которые ей нужно было сделать, девушка отходит, чтобы собрать свои вещи, но я перехватываю её руку. Переплетая наши пальцы.

— Ты хочешь подняться наверх? — спрашиваю я, намеренно отдавая контроль в её руки. — Или ты хочешь, чтобы я отвёз тебя домой?

Она выглядит испуганной — я думаю, это хороший знак, учитывая, что это первые эмоции, которые она демонстрирует после того, как она кончила, выкрикивая мое имя.

— Я в порядке. И я хочу к себе домой.

Из-за её упрямства, мои благие намерения вылетают прямиком в окно.

— Это не было одним из вариантов, Ария.

— А должно быть.

Я склоняю голову, потому что она, вероятно, права. Так наверняка и должно быть. Но сегодня, ей нужен кто-то, чтобы позаботиться о ней и, оставить её в покое — не тот вариант, который я могу ей предоставить. Не сейчас, когда каждая унция моего контроля уходит на то, чтобы не поднять её на руки и таким образом вынести из чёртового казино. Не тогда, когда всё чего я хочу — это взять её в своей комнате, на своей кровати, и держать её там на

протяжении недели. Или вечности. Какой бы не оказалась последняя.

— Выбирай, — предлагаю я ей, когда оказываюсь в состоянии собрать всё дерьмо и наконец-то нахожу свой голос. — Сейчас. Потому что, так или иначе, казино ты покинешь только со мной.

Продолжение следует

Больше книг на сайте - Knigolub.net